

Вениамин ХАНОВ

Родился в 1952 году в ОЛП № 8 Варнавинского района. Окончил Горьковский педагогический институт, работал учителем русского языка и литературы в Якутии, в школах города Горького, преподавателем вузов. Кандидат филологических наук, доцент. Заведовал кафедрой теории и методики обучения русской словесности Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина.

Среди научных работ «Аллюзии inferнального в создании образа ночлежки в драме М. Горького “На дне”» (2009), «Мифопоэтическая основа образа Сатина в драме М. Горького “На дне”» (2009), «Мифопоэтическая основа образов Силана и Марьи в рассказе М. Горького “На плотях”» (2009), «Символика inferнального в рассказах М. Горького о “бывших людях”» (2012) и другие.

Живет в Нижнем Новгороде.

УЧИТЕЛЬ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

100 лет российскому литературоведу
профессору Ивану Кирилловичу Кузьмичёву. Портрет
в беседах и воспоминаниях

Удивительно быстро идёт время. Соловьём залётным пролетели годы учёбы в школе, а затем в Горьковском педагогическом институте. Учителем русского языка и литературы три года отработал я в морозной заснеженной Якутии, в городе Олёкминске. С увлечением трудился в школах Автозаводского района. Но вдруг однажды мне позвонила заведующая кафедрой литературы в пединституте профессор Мария Яковлевна Ермакова и предложила должность лаборанта кафедры. «Сначала поработайте лаборантом, – сказала она, – а потом посмотрим». Я, разумеется, согласился.

Работая на кафедре литературы лаборантом, я хорошо осознавал, что мне нужно расти, необходимо защитить диссертацию. С вопросом о теме диссертации обратился к Ивану Ивановичу Ермакову, который раньше в пединституте заведовал кафедрой литературы, но был уже на пенсии. Он сказал, что у него нет аспирантуры, но он поговорит обо мне со своим учеником Иваном Кузьмичёвым, который работает в университете имени Н.И. Лобачевского. И через два дня я уже встретился с Иваном Кирилловичем на его кафедре. Тут же была определена и тема,

связанная с автобиографической трилогией нижегородского писателя Николая Ивановича Кочина: «Гремячая Поляна», «Юность», «Нижегородский откос». Итак, я поступил в аспирантуру и весь наполнился гордостью. Я стал аспирантом известного на всю страну литературоведа, доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой русской литературы XX века Ивана Кирилловича Кузьмичёва.

...И до сих пор я встречаюсь и перезваниваюсь с Иваном Кирилловичем Кузьмичёвым, которому в 2023 году 3 августа исполнилось сто лет. Поздравляя его с девяностодевятилетием, я посетил его в Больших Отарах и пожелал, чтобы он прожил до ста лет и больше. «Я приеду и проверю, а пока буду молиться за вас», – твёрдо сказал я. Мы хорошо понимаем друг друга, и он, как обычно, ответил мне замечательной светлой улыбкой. До сих пор Иван Кириллович не утратил своей пламенной энергии, ясности и гибкости ума. До сих пор его хрустально чистая душа распахнута навстречу окружающей действительности. Это он является истинным Поэтом, подлинным Творцом, Исследователем, Литературоведом, зажигающим в сердцах людей огни Добра, Истины и Красоты!

В одной из наших бесед я сказал Ивану Кирилловичу, что нам следует писать стихи не только обращённые к нашим любимым женщинам, но мы должны воспевать стихами и наших матерей. Именно об этом я говорю порой со своими студентами и учениками. И тут же прочитал своё стихотворение, посвященное матери.

Иван Кириллович внимательно выслушал меня и сказал: «Вениамин Анатольевич, выходит, что моя мать Анастасия Семёновна и ваша во многом близки. Это типичные русские женщины. Вот и я представляю свою мать, словно святую. Это она в тяжёлых жизненных обстоятельствах вывела меня на свет и наполнила крепкой верой в неиссякаемую силу добра и любви. Это её материнское сердце, словно солнце, всегда освещало моё путь. Видимо, неслучайно и то, что её имя Анастасия в переводе с греческого языка означает “воскресшая”, “воскресающая”. Во многом благодаря именно ей, я достиг того, что имею. В мои детские годы я иногда воспринимал её как известную героиню русских народных сказок – Настеньку. Каким-то особым «живым огнём» наполняла она мою душу. Для меня она всегда была, есть и будет благодатным незакатным светом. Память о моей матери, об Анастасии Семёновне, – это самое важное, самое святое для меня дело. Многим из нас пришлось преодолеть непроходимые дебри и болота нашей суровой действительности, о которой вы рассказывали. Но всегда рядом с нами было заботливое любящее сердце Матери». Иван Кириллович замолчал, и лицо его окутала глубокая печаль. И я больше не стал его беспокоить.

Встречаясь с Иваном Кирилловичем и отвечая на его вопросы, я хорошо осознаю, что ему необходимо общение. Он всегда всем интересуется, о многом расспрашивает. Так он удовлетворяет свою страстную жажду знаний. Разумеется, Иван Кириллович черпает знания и из книг. Но никакая книга не заменит общения с человеком. Как учёный-литературовед Кузьмичёв достиг блестящих успехов и стал ведущим специалистом по теории литературы, в изучении литературных жанров.

Кроме того, Иван Кириллович является талантливым критиком. Его суждения о «литературных новинках» всегда объективны и справедливы. К нему с уважением относятся и писатели, и поэты. Они дорожат его мнением. Но по-прежнему стремления Кузьмичёва познать

действительность и литературный процесс просто неумьны. Используя известное выражение Б. Пастернака, можно с уверенностью сказать, что Ивану Кирилловичу «во всём хочется дойти до самой сути». И он дошёл до этой «суть», раскрыл глубинный смысл многих литературных явлений. При этом он всегда всего добивался сам, хотя условия были чрезвычайно суровыми. Так, к глубокому сожалению, будущему учёному не пришлось познать отцовского тепла и внимания. Его отец, Кирилл Матвеевич, трагически погиб за два месяца до рождения сына. И вся забота по воспитанию мальчика легла на плечи матери – Анастасии Семёновны. По сути дела, обычному сельскому юноше пришлось самому определять свой жизненный путь, самому решать свою судьбу. Существует крылатое выражение: «Каждый человек – кузнец своего счастья». «Кузнецом» своего счастья, «кузнецом» своей судьбы и является Иван Кириллович.

Вот поэтому мне представляется, что даже в названии улицы Ковалихинской, на которой проживает мой учитель, есть нечто символическое. Вполне понятно, что данное наименование связано с кузнечным промыслом. Как отмечает В.И. Даль: «Кузнец мог так же называться коваль, ковало, ковщик». В то же время исследователь подчёркивает, что «ковщик считался опытным, бывалым, тёртым, знающим человеком». Вот таким опытным, бывалым, тёртым, знающим человеком и предстаёт Иван Кириллович Кузьмичёв, связанный судьбой с улицей – Ковалихинской. Он сам «коваль» свой жизненный путь, свой внутренний мир и интересы. И, видимо, неслучайно его любимым литературным героем является Василий Тёркин, которого тоже «потёрла» жизнь. Но, несмотря ни на что, храбрый воин сохранил в себе живую душу и светлое чувство юмора.

Обратившись с Иваном Кирилловичем к разговору о его любимом литературном образе, я отметил, что фамилия героя поэмы А. Твардовского связана именно с понятием «тёртый человек». Это человек, познавший жизнь, имеющий большой жизненный опыт. В то же время я подчеркнул, что, с моей точки зрения, фамилия Тёркин связана и с понятием «тёртый огонь». Раскрывая смысл данного понятия, В.И. Даль отмечает, что это огонь «вытертый из дерева». Он считался, «живым огнём» и использовался для оберегов. Но примечательно и то, что герой имеет имя Василий, которое в переводе с греческого языка означает «царственный». Это одно из самых распространённых имен в России. И в нашем сознании оно ассоциируется с любимым цветком – васильком. Порой человека, который имеет это имя, зовут просто – Василёк. Таким образом, Василий Тёркин как бы «царственно» несёт в себе «живой огонь» и «оберегает», сражается за жизнь на земле, за её цветение и красоту. Он борется с силами зла и тьмы. Василий Тёркин – это воплощение добра и света жизни. В то же время он является воплощением героической мощи русского народа. Иван Кириллович соглашается со мной. И я продолжаю нашу беседу дальше. Кроме того, герой поэмы А. Твардовского обладает тонким неподдельным юмором, который помогает ему не унывать в драматических ситуациях. Но такой же тонкий юмор свойствен и Ивану Кирилловичу. Вот поэтому я прямо говорю ему, что он несёт в себе «живой огонь», является воплощением совести и служит для многих своеобразным «оберегом». Именно он многими чертами характера напоминает мне Василия Тёркина – храброго воина, бойца, рыцаря совести и чести. В ответ Иван Кириллович светло улыбается.

Во время наших бесед с Иваном Кирилловичем я хорошо осознаю, что он хочет понять, раскрыть меня так же, как и я его. При этом наши встречи всегда наполнены светом. Они даже косвенно вдруг помогают мне познать самого себя, взглянуть на себя со стороны. Всё, что связано с Иваном Кирилловичем, приносит лишь удачу и душевное тепло.

Завершив беседу об очередной моей статье, мы с Иваном Кирилловичем решили зайти в книжный магазин, который находился в те годы на площади М. Горького. В нём я увидел книгу, о которой давно мечтал. Но денег для её покупки у меня не хватало. И тогда, набравшись смелости, я попросил у Ивана Кирилловича пять рублей. В то время это была приличная сумма, но моя мечта осуществилась. Когда мы вышли на улицу, то увидели, что идет чистый пушистый снег. Иван Кириллович поднял руку и стал ловить на ладонь снежинки. Как много раскрыли в нём эти короткие минуты. Именно такие картины вызывают поэтическое вдохновение. Через несколько дней я зашёл к своему Учителю на кафедру, чтобы вернуть долг. А он легко и просто сказал: «Мог бы и не отдавать. Тебе они нужнее». Но я всё-таки положил эти деньги в карман его пиджака. Однако меня сильно удивила его беспредельная щедрость. Мне показалось, что даже сердце своё он готов отдать людям. И в этом его искреннем поступке я почувствовал нечто бескорыстно-детское.

По сути, Иван Кириллович – это прежде всего «ангелическая натура». Это не только блестящий учёный, но и воплощение добра, благожелательности, любви к людям. Всегда и во всём он занимает именно «ангелическую позицию». Вот поэтому, с моей точки зрения, Иван Кириллович во многом близок к известному герою Ф.М. Достоевского Алёше Карамазову. Итак, Иван Кириллович – это человеколюбец, «ангельская душа» и блестящий Мастер своего дела. Он обладает всемирной отзывчивостью русского человека. Ему присущ космизм русской души.

...Я знаю, что в сердце Ивана Кирилловича живёт тяжёлая дума об отце, которого ему не пришлось увидеть. Причём его отец Кирилл Матвеевич, как и мой дед Ханов Григорий Кузьмич, был участником Первой мировой войны. Кстати, мой дед погиб на этой войне. Чтобы смягчить душевную боль моего Учителя, я говорю ему: «Иван Кириллович, возможно, Вы будете смеяться, но мне кажется, что наши отцы, матери и деды, уйдя в небеса, всё-таки по-прежнему заботятся о нас, помогают нам. И тоже являются нашими ангелами-хранителями». А он ответил: «Этого никто не знает. Но главное заключается в том, чтобы мы сами помнили наших близких и наше прошлое. Именно эта святая память создаёт нерушимую связь поколений, наполняет нас силой и помогает свершать подвиги во славу Отечества».

По причине ранней смерти отца у Ивана Кирилловича нет ни братьев, ни сестёр, и поэтому ему хочется побольше узнать о семье, в которой вырос я. И снова неторопливо продолжается мой рассказ. Всем хорошо известно, что в военные и послевоенные годы было ужасно голодно и тревожно. О невероятных трудностях убедительно свидетельствует и следующий факт. В нашей семье уже имелось четверо детей. И нам, детям, требовалось молоко. «Без коровы мы не проживём, – сказал отец матери, – поезжай в Хмелево к свекрови и попроси у неё корову». И мать, взяв с собой старшего семилетнего сына Виктора, отправилась в далёкую поездку в Борский район. Свекровь Прасковья Никаноровна, пожалев внуков, корову отдала. Но как её доставить

в 8-й ОЛП? И тогда мать, взяв для небольшой поклажи саночки (наступала зима), с малолетним помощником и коровой отправилась в обратный путь пешком. Сначала дошли 20 километров до Линды, а потом, ориентируясь по железной дороге, пошли в Варнавинский район, к месту службы отца. На ночлег останавливались в какой-нибудь деревне. И все принимали радушно, кормили, давали корове сена. Мать со всеми людьми умела найти общий язык. Около двух недель продолжался этот нелегкий путь. Возвращению матери все были безмерно рады. «Как же это вы смогли дойти?» – спрашивал я позднее самого родного человека. И мать светло и просто отвечала: «Так и дошла. Бог помог! Да еще святой Варнава пособил. А хорошие люди они везде есть». Никакая сила не сможет сломить таких людей, наполненных сиянием святой веры в добро и справедливость!

Иван Кириллович внимательно выслушал меня, а потом говорит: «Вот и моя мать Анастасия Семёновна была замечательной женщиной! Это она воспитала и поставила меня на ноги. Это она наполнила меня бескорыстной любовью к людям и крепкой силой для трудной жизни. Да, Вениамин, все наши женщины словно светятся изнутри – через глаза – каким-то особым добрым тёплым светом. Именно они, словно святые лампы, вдохновляют нас и на творчество, и на подвиги! Да я с вами как поэт заговорил».

«В своё время в журнале “Октябрь”, – сказал однажды Иван Кириллович, – я опубликовал статью о поэтическом сборнике Ю. Адрианова “Считайте годы по вёснам”. Знаю, что о стихах пишете и вы. Ну а как обстоят дела в нашей современной нижегородской поэзии?»

И я изложил Учителю своё мнение по этому вопросу. С моей точки зрения, особого внимания по-прежнему заслуживает творчество Александра Фигарева. Фигареву свойственны многообразие тематики, выразительность художественных образов. Присуще ему и глубокое чувство патриотизма. Бывший воин-десантник никогда не лукавит ни с людьми, ни с собой, ни с Богом. Поразительно и то, что стихи Фигаревы об отгремевшей Великой Отечественной войне оказываются актуальными и в наши дни.

Появились, разумеется, и новые поэты, обладающие большим творческим потенциалом и щедрой душевностью. Это Владимир Безденежных, Андрей Дмитриев, Ярослав Кауров, Андрей Кувечкин, Дмитрий Ларионов, Денис Липатов, Николай Симонов, Евгений Эрастов и другие. Некоторых из них я приглашал на встречи с моими студентами. Отмечаю и то, что еще во время обучения в пединституте моё внимание привлекли поэты-женщины: А. Ахматова, М. Цветаева. Но почему-то особое впечатление на меня произвело стихотворение Людмилы Татьянической «Мадонна»:

Наперекор изменчивой молве,
Художники прославили в веках
Не девушку с венком на голове,
А женщину с младенцем на руках

Девичья красота незавершена:
В ней нет ещё душевной глубины.
Родив дитя, рождается Мадонна.
В её чертах мира отражены.

И, обращаясь к Ивану Кирилловичу, я отмечаю, что, с моей точки зрения, стихи, созданные поэтами-женщинами, отличаются каким-то особым видением действительности, трогательной искренностью, проникновенным лиризмом. Всё это имеет самое непосредственное отношение к тем поэтам-женщинам, которые связаны с нашей Нижегородской землёй. В студенческие годы мы с упоением читали задушевные стихи Лигии Лопуховой, Ирины Морозовой, Вероники Частиковой.

В лирических признаниях Вероники Частиковой трепетало не очень-то обласканное жизнью чистое женское сердце. И все мы с глубоким волнением воспринимали её откровенную горькую исповедь:

У меня ж – ни фаты, ни вуали,
Да и свадьбы (увы!) не бывало....
Только два золотых денёчка
Да одна соловьиная ночка.

И, конечно же, всех нас привлекли полные смелости и озорства строчки Ирины Морозовой, созданные в годы суровой морали: «Милый, поцелуй меня на улице! У милиционера на виду».

Шло время, и появились другие поэты-женщины, связанные с новой действительностью. О них я и веду разговор с Иваном Кирилловичем. Это Людмила Калинина, Елена Крюкова, Марина Кулакова, Алина Гребенщикова, Лариса Бухвалова, Светлана Леонтьева, Анастасия Ростова, Маргарита Шувалова и другие. Причём каждая из них обладает своим стилем, своей мелодией стиха. Каждая из них создаёт свои медовые соты поэзии. Но всех их объединяет чистота и чуткость души. И все они глубоко переживают из-за того, что нам порой не хватает «капельки живого внимания да искорки понимания» (Л. Калинина). Свойственно этим поэтам и подлинное, идущее из глубины народной жизни, святое чувство патриотизма. Вот какой яркий впечатляющий образ Родины создаёт, к примеру, Елена Крюкова в стихотворении «Мать Владимирская»:

Очи её – сливовые,
Руки её – ивовые.
Плащ её – смородиновый.
Это моя – Родина!

Словно вдруг на поляне белоснежных ландышей, улыбающихся солнцу, оказались мы.

Особый проникновенный женский взгляд присущ и поэзии Л. Калининой. Показательным в данном отношении является хотя бы её стихотворение «Снежная баба». Вылепленная из снега фигура женщины с двумя вёдрами в руках воскрешает в её сознании образ погружённой в постоянные хлопоты бабушки. Невозможно без сердечного трепета и невольно накатившихся слёз светлой грусти читать это лирическое откровение. Вот несколько строф из этой поэтической картины, наполненной святым для нашей души белым цветом:

Снежная баба среди городского двора.
Кто-то ей в руки приделал два старых ведра.
Вьюжный февраль не жалеет метельного снега,
Как молоко, снежный свет опускается с неба.

В чёсанках белых, повязана шаль до бровей.
Снежная бабушка в памяти встала моей.
Заиндевила пуховая шаль и ресницы,
Весело пар над подойником тёплым клубится.

Утром, чуть свет, поднимет она коромысло –
До городского двора добираться неблизко.
В гулком дворе робкий голос летит высоко.
Снежная баба кричит: «Кому молоко?»

Во время этого разговора с Иваном Кирилловичем я подчеркнул, что особого внимания заслуживают и отдельные стихи Марины Крылатовой. В частности, её стихотворение «Не морская». Оно представляет собой своеобразные отклик на широко известное лирическое откровение Марины Цветаевой «Кто создан из камня» и звучит, как дивная музыка.

Вот несколько строк:

Я – Марина, но не морская:
В солёных водах не рождена.
По-старорусски – жена лесная,
Земли дождями напоена.

На берегу у лесной речушки
Среди душистой, как мёд, травы
Следы остались смешной девчушки,
Не знавший вкуса морской волны.

Я не искала ракушек дивных
С лучом закатным на берегу –
Среди тропинок, лесных и длинных,
Ловила ветер я на берегу.

Катитесь, волны царя морского,
Встречайте белые корабли!
Как жаль, не видели вы лесного
Дождя весенней моей земли.

Поэты-нижегородцы тесно связаны с родной землей. Их сердца распахнуты навстречу окружающей действительности. А о людях, замкнутых в узком мирке и думающих лишь о себе, наш поэт-земляк Николай Глазков ещё в середине прошлого века с едкой иронией писал: «Я на мирзираю из-под столика». Однажды я спросил Ивана Кирилловича: «А вы помните поэта Николая Глазкова?» И он ответил: «Помню, но смутно. Этим человеком всегда владели беспокойство, охота к перемене мест»...

Во время следующей встречи с Учителем я попросил его рассказать о себе. И вот что я узнал. Родился он 3 августа в 1923 году в обыкновенной крестьянской семье, в деревне Клюкино Семёновского района. Его отец Кирилл Матвеевич был участником Первой мировой войны. Пришёл с фронта, работал, женился. Однако перед самым рождением ожидаемого ребёнка Кирилл Матвеевич трагически погиб. Так что вся забота, связанная с воспитанием родившегося сына, легла на плечи

матери Анастасии Семёновны. Иван Кириллович вспоминает её с любовью и уважением. Она была для него главной опорой в жизни. И всегда он горько жалеет о том, что ему не пришлось увидеть отца. «Дума об отце – это незаживающая рана моей души», – печально сказал Иван Кириллович. Учился он прилежно и стремился ничем не огорчать мать. Во всём помогал ей, как мог. Уже на уроках в школе будущий литературовед полюбил литературу, и у него появилась мечта стать сельским учителем. Поэтому он и окончил Семёновское педучилище. Но осуществить мечту помешала начавшаяся война. Ивана Кирилловича в возрасте девятнадцати лет взяли на фронт. Ему пришлось пережить все ужасы Сталинградской битвы. На войну он смотрел не издали, а с самой близкой к смертельному огню точки. Было иногда невероятно страшно. Ивану Кирилловичу приходилось не раз быть на грани жизни и смерти. «Но, видно, мать молилась за меня, – сказал он, – а молитва матери со дна моря достанет. И я остался жив». Военная служба Ивана Кирилловича завершилась лишь в декабре 1945 года. Это был счастливый год нашей великой Победы и Славы! Его боевой путь отмечен солдатскими медалями: «За боевые заслуги» и «За отвагу».

Вернувшись в родные края, молодой воин поступил в Горьковский педагогический институт на историко-филологический факультет и окончил его в 1949 году. Профессия выбиралась обдуманно, как путь призвания. Затем была аспирантура и защита в 1953 году кандидатской диссертации под руководством И.И. Ермакова. Докторскую диссертацию «Жанры русской литературы военных лет» Иван Кириллович защитил в Пушкинском доме в 1965 году. Но уже с 1954 года он начал работать в Горьковском университете имени Лобачевского.

Обладая завидной работоспособностью и организованностью, Иван Кириллович выполняет любое дело без отсрочек и «простоев». Для него труд литературоведа так же естественен, как и дыхание. Исследовательская работа доставляет ему радость творчества. Вот поэтому учёность И.К. Кузьмичёва – это учёность истинная, светлая, плодovitая и благотворная. Кроме того, именно о нём можно с полным основанием сказать, что он на все руки мастер. Талантливому исследователю пришлось поработать в качестве доцента, профессора, декана филологического факультета, заведующего кафедрой русского литературы XX века. Причём данную кафедру И.К. Кузьмичёв возглавлял 21 год. Его путь исследователя литературного процесса – это глубокий честный труд большого таланта и душевного напряжения. За эти годы появилось двадцать книг учёного и около ста пятидесяти статей различного объёма, главным образом в журналах.

Во многих научных исследованиях И.К. Кузьмичёв рассматривает важнейшую в литературоведении жанровую проблему. Его интересует типология жанров, их историческая судьба. С точки зрения учёного, именно знание основных законов жанра позволяет объективно охарактеризовать литературный процесс. Особое внимание И. Кузьмичёв уделяет жанру эпопеи. Он выступает против неоправданных попыток расширить это ответственное теоретическое понятие. Но, к сожалению, эпопеями порой называют такие произведения, которые этого высокого определения вовсе не заслуживают. Так, после публикации книги А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» писатель и критик А. Терехов назвал её автора «нобелевским солнцем» и поставил его как создателя новой эпопеи в один ряд со Львом Толстым. По утверждению критика, Лев Толстой и Александр Солженицын «получили соразмерное влияние

на русскую действительность». Терехов безапелляционно заявляет: «Русская литература на короткое время – в два века, в две – Толстого и Солженицына – бороды вобрала в себя умственную жизнь народа». С такими тенденциозными заявлениями невозможно согласиться. С нашей точки зрения, роман-исследование Солженицына эпопеей не является. Кроме того, это повествование чрезмерно затянуто. А ведь все жанры хороши, за исключением скучного. Видимо, писатель забыл важнейшее суждение, выраженное в Экклезиасте: «Много забот – бессонная ночь, много слов – глупая речь». Более того, «Архипелаг ГУЛАГ» не содержит в себе жизнеутверждающего пафоса, который является важнейшим свойством эпопеи. Какая-то особая безмерная печаль лежит на всём произведении. Иван Кириллович с моими суждениями согласился.

Безошибочное чутьё И.К. Кузьмичёва на важнейшие литературные явления обусловили то, что именно он обратил внимание на особую роль М. Горького в художественном мышлении нашей эпохи. Учёный активно разрабатывает тему «М. Горький и художественный процесс XX века». На родине писателя им было организовано и проведено свыше десятка Горьковских чтений. Под редакцией И.К. Кузьмичёва выпущено около 30 томов Горьковских сборников. В основном по этой же тематике члены кафедры и аспиранты защитили три докторских и десять кандидатских диссертаций. Особого внимания заслуживает книга И.К. Кузьмичёва «М. Горький и художественный прогресс». В ней учёный убедительно доказывает, что без анализа художественного мышления писателя не может быть полной литературная карта нашего времени. Важным событием в горьковедении явилась и следующая книга исследователя «“На дне” М. Горького – судьба пьесы в жизни, на сцене и в критике». В ней учёный вполне обоснованно предложил пересмотреть «незыблемые трактовки» драмы М. Горького, не воспринимать образ Луки лишь как «старца лукавого», жалостливого хитрого утешителя. Данный образ содержит в себе и светлые начала. Своими глубинными корнями он тесно связан с евангелистом Лукой, имя которого в переводе с греческого языка означает «светлый», «освещающий». Хотя в данном образе писатель отразил и некоторые черты Льва Толстого. Иван Кириллович справедливо утверждает, что всё это необходимо сделать во имя истины сегодняшней и во имя завтрашней жизни бессмертной философской драмы М. Горького.

Большой интерес вызвало и следующее исследование И.К. Кузьмичёва, адресованное в первую очередь учителю, – «Литература и нравственное воспитание личности». Эта книга – дань благодарности учёного учителю-труженику. В ней автор вполне справедливо утверждает, что нравственное воспитание – это не одна из сторон преподавания литературы, а внутренняя сущность всего процесса обучения. При этом И.К. Кузьмичёв исходит из того, что «В многослойной и многоступенчатой системе воспитания именно учителю принадлежит важнейшая роль, ибо он призван первым указать воспитаннику путь к его индивидуальной сущности, помочь ученику найти своё место в жизни». Важным примером для любого человека должны быть и литературные герои, обладающие высокой нравственностью. Обращается в этой книге автор и к творчеству М. Горького. Посещая во время педагогической практики уроки студентов, я видел, что многие из них имеют это основательное исследование И.К. Кузьмичёва. Радовало и то, что в каждой школе знают его имя.

Во время очередной встречи беседам с Иваном Кирилловичем я обратил его внимание на предвзятое отношение к творчеству М. Горького отдельных критиков. А он спокойно и просто сказал: «Уже не раз пытались сбросить Горького с “парохода современности”. Но его произведения по-прежнему занимают важное место в истории нашей литературы. В своё время “неистовые ревнители” активно атаковали и Пушкина. Но его читают и любят. Есть поклонники и у Максима Горького. Вы же знаете, что его произведения тесно связаны с духовной культурой нашего народа. Кроме того, его творчество имеет и религиозно-философские истоки. Вот поэтому Горький до конца ещё не прочитан, не раскрыт. И пусть собаки лают, а караван идёт». Во время этой беседы вспомнил Иван Кириллович и басню И.А. Крылова «Слон и Моська». Улыбнувшись, он сказал: «Ай, Моська! Знать она сильна, что лает на Слона!» А затем продолжил: «Порой эти “моськи” лают лишь с одной целью, чтобы привлечь к себе внимание, подчеркнуть свою значимость».

Отметил Учитель и то, что критик прежде всего должен с уважением относиться к любому писателю. Следует отмечать и достоинства анализируемых произведений, а не подвергать их сплошному разному.

Некоторые исследователи считают, что пчелы способны видеть сквозь лепестки цветов, как мы видим сквозь стекло. Литературные критики такими возможностями, конечно же, не обладают. Но они имеют гораздо большее – душу. Вот поэтому, раскрывая перед нами «целебный мёд» художественных произведений, они должны прежде всего видеть свет и простор сквозь лепестки порой увядших цветов и сквозь «запылённые стёкла» нашей жизни. Они должны раскрывать глубинный смысл рассматриваемых произведений.

Иван Кириллович Кузьмичёв вполне обладает такими способностями. Его исследования творчества известных писателей и поэтов – это чистые целебные источники истинных представлений о литературном процессе. Его суждения о художественных произведениях – это словно величественная музыка, которая очищает и возвышает душу, наполняя её надеждой и верой в лучшее. После чтения книг Ивана Кирилловича создаётся впечатление, что будто ключевой водою умылся, жажду душевную из родника с живой водой утолил.

Много я прослушал научных сообщений, будучи студентом пединститута, преподавателем, участником разных конференций. Но никогда ещё не слышал более содержательных лекций, чем у И.К. Кузьмичёва. Излагал он материал неторопливо, вдумчиво, передавая студентам свой богатейший научный и душевный опыт. Читал Иван Кириллович лекции, словно храм возводил: основательно, проникновенно, с особым душевным подъёмом. Он как бы приглашал к сотрудничеству ум и душу каждого студента, стремящегося к знаниям. На одном из занятий он твёрдо сказал: «Свет в храме от свечи, а в человеке – от знаний!» Привлекало меня в Иване Кирилловиче и то, что он никогда никому не позволял проходные, конъюнктурные произведения поднимать на щит и едко высмеивал тех, в ком замечал склонность к компромиссам, к подлаживанию под чужое мнение.

...К разным темам обращались мы во время встреч с Иваном Кирилловичем. Особенно он был тронут разговором о школьном звонке. Я заметил, что его глаза наполнились влагой. И в этом снова проявились чистота и чуткость его души, полной добра и любви. Возможно,

Иван Кириллович вспомнил свои далёкие школьные годы. Но, может быть, в его сердце эхом отозвались те проникновенные звонки, которые он слышал, поступив в педагогический институт. И тогда словно особые святые колокола прозвучали над ним. Ведь именно здесь, в пединституте, он познакомился с будущей спутницей жизни Раисой Васильевной, с которой учился в одной группе. И я попросил Ивана Кирилловича рассказать о жене, которая к этому времени, к сожалению, уже ушла из жизни. Я чувствовал, что ему было трудно и больно вспоминать прошлое, но всё-таки он откликнулся на мою просьбу. Он сказал, что Раиса Васильевна была верной спутницей его жизни, заботливой хозяйкой и любящей матерью. «Мы с ней хорошо понимали друг друга, – подчеркнул он, – а это – самое главное в семейной жизни». Иван Кириллович немного помолчал, а затем продолжил: «Она была для меня словно свет в окне и, по сути дела, на ней держалось всё. Ведь и отчество её в переводе с греческого языка означает “царственная”. Вот поэтому я называл её порой “моя царица”. Кому-то это покажется банальным, но и мы в своё время были молодыми. Шли годы. Все радости и невзгоды мы делили поровну. Занимались литературой, любили поэзию. Иногда я читал моей надёжной спутнице стихи поэтов нашего времени. Я и сейчас помню эти стихи. Они звучат для меня, словно молитва души». И он прочитал замечательное, волнующее стихотворение Михаила Светлова:

Юности своей я не отверг,
Нравится мне снова всё, что делаю,
Будто после дождичка в четверг
Расцвели сады оледенелые.

Если жив я, и любовь жива!
Для тебя, единственная, ласковая,
Я нашёл хорошие слова,
Лучшие из словарей вытаскивая...

Не так легко сравнение найдёшь,
Твои глаза в стихотворенье просятся,
Как голубые ведрышки несёшь.
Ты их на коромысле переносицы.

<...>

Мне много жить и пережить пришлось,
Но я тебе заносчиво и молодо,
Как связку хвороста, мечты свои принёс –
Зажги костёр, погрейся, очень холодно.

Тут же вспомнил Иван Кириллович и стихотворение Дмитрия Кедрина:

Нам, по правде сказать, в этот вечер
И развлечься-то словно бы нечем.
Ветер что-то невнятное шепчет,
Завари-ка ты чаю покрепче.
И чаёк попивая из чашек,
Дай-ка вспомним всю молодость нашу.

Вспомним ласково, по-стариковски,
Нашей дочери русые коски,
Вспомним глазки сынка голубые
И решим, что мы счастливы были,
Но и глупыми всё же бывали...
Постели-ка ты мне на диване:
Может мне в эту ночь и приснится,
Что ты стала опять озорницей!

Иван Кириллович читал с большим волнением, проникновенно. И порой его голос дрожал. Я чувствовал, что его охватывают воспоминания. Закончив чтение, он сказал: «А теперь, Вениамин Анатольевич, моим любимым стихотворением является печальная исповедь Фёдора Тютчева». И он прочитал известное лирическое откровение этого поэта, которое звучало словно молитва:

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?

Все темней, темнее над землею –
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Иван Кириллович опять немного помолчал, а потом сказал: «Не знаю, как мне выразить это безмерное горе, эту беспредельную печаль-тоску. Но вспоминаются услышанные ещё в давние годы в родной деревне пронизанные глубокой скорбью стихи». И он прочитал их.

Лягу грудью на ограду,
Позову свою отраду.
Белый камень отвалю,
Встать на ноженьки велю.

Милая, красивая, свеча неугасимая,
Горела, да растаяла, любила, да оставила.

А я вспомнил, что эти стихи порой в минуты горькой печали с глубокой тоской шептал мой отец. Уже позднее я вдруг прочитал их в повести В.П. Астафьева «Печальный детектив».

...Однажды накануне Дня Победы я попросил Кузьмичёва рассказать студентам моей группы о своём боевом пути. Сначала он отказался, объяснив это тем, что не любит вспоминать невероятно ужасные годы. «Меня и раньше приглашали, – сказал он, – но я ещё никогда не говорил об этом со студентами». Однако через два-три дня он сам подошёл ко мне и заявил: «Вениамин Анатольевич, я хорошенько подумал

и почему-то вам не могу отказать. Скажите, когда и куда мне подойти». В итоге встреча Ивана Кирилловича с моей студенческой группой состоялась. Это был суровый рассказ о нашем трагическом времени. Иван Кириллович раскрыл перед нами все ужасы войны. Рассказал он, в частности, и о Сталинградской битве. Его воспоминания поразили нас беспредельной искренностью. Вот что, к примеру, поведал Кузьмичёв о том, как его провожали на войну: «Погрузили меня на телегу и повезли на станцию, чтобы отправить на фронт. А я сижу на этой трясущейся телеге и рыдаю. По сути дела, я прощался с жизнью». Рассказал Иван Кириллович и о том, как он однажды чуть не погиб. «Но, видимо, меня спасли молитвы матери», – твёрдо заявил он.

Студенты задали ему вопросы. Так, одна из девушек спросила: «А как же, Иван Кириллович, вы всё это вынесли?» И он ответил: «Мы все были молодыми. Нам очень хотелось жить, и мы мечтали о любви и счастье». И тут же прочитал небольшое стихотворение:

И пусть от взрывов всё чернело,
Мы верили – любовь жива!
Тянулся к солнцу ландыш белый
На кромке танкового рва.

Задал вопрос и студент: «Иван Кириллович, а вы довольны своей судьбой?» И он снова ответил четверостишьем:

Но если б множество дорог
Судьба мне снова возвратила,
Я шёл бы той, что дал мне Бог,
И повторил бы всё, что было.

Меня всегда поражает то, что Иван Кириллович знает очень много стихов. Однажды, процитировав поэта Степана Щипачёва, он признался:

Я плачу над счастливою строкой,
Пусть написал её не я – другой.

Студенты читали стихи наших нижегородских поэтов. Прозвучала, в частности, трогательная лирическая исповедь замечательного поэта Фёдора Сухова:

Провожали меня на войну,
До дороги большой провожали.
На село я прощально взглянул,
И вдруг губы мои задрожали.

Ничего б не случилось со мной,
Если б я невзначай разрыдался, –
Я прощался с родной стороной,
Сам с собою, быть может, прощался.

В отдалении гром громыхнул,
Был закат весь в зловещем пожаре...
Провожали меня на войну,
До дороги большой провожали.

Вся встреча прошла на одном дыхании. А я рассказал о том, как Иван Кириллович ловил на ладонь снежинку и прочитал посвящённое ему стихотворение:

Где этой нежности причина,
Что греет душу, как огонь?
Я видел, как седой мужчина
Ловил снежинку на ладонь.

Кругом спешили люди, споря,
Любуясь только лишь собой.
А я подумал, сколько боли
Ему отпущено судьбой.

Изведал радость он и горе,
Покоя в жизни не искал.
Он стал седым, как в бурном море,
Но нежным быть не перестал.

Где ж этой нежности причина,
Что греет душу, как огонь?
Я видел, как седой мужчина
Ловил снежинку на ладонь.

Именно во время этой встречи с Иваном Кирилловичем я уяснил для себя самое важное, самое значимое в нём. Конечно же, он предстаёт передо мной, как мужественный стойкий воин, храбрый защитник Отечества. В девятнадцать лет он ушёл на фронт и вернулся с победой. Однако прежде всего Иван Кириллович – это талантливый учёный-литературовед. Причём самыми главными критериями в оценке любого произведения являются для него идеалы Добра и Правды. Вот поэтому Ивана Кирилловича с полным основанием можно назвать Праведником. По сути дела, именно благодаря ему в нашей литературной критике в середине 60-х годов прошлого столетия развернулась бурная дискуссия, связанная с проблемой правды в художественном произведении. Дело в том, что И.К. Кузьмичёв в журнале «Октябрь» в 1965 году, № 3 опубликовал статью «Заметки о современном романе». В ней он, в частности, заявил, что в трилогии К. Симонова «Живые и мёртвые» имеются художественные недостатки и ей не хватает подлинной правды в изображении войны. Но К. Симонов в те годы для критики был «неприкасаемый». Вот поэтому в «Литературной газете» (1965, 25 марта) и в газете «Правда» (1965, 28 марта) появились статьи, в которых молодой преподаватель из Горького был подвергнут резкому осуждению. В те времена всё это грозило начинающему учёному большими неприятностями. Но в итоге Истина восторжествовала. У Кузьмичёва появилось много сторонников.

Как исследователь он учит искать и находить Истину. Порой Иван Кириллович бывает суров, но он умеет прощать. Присуще ему и чувство скромности. В окружении людей он стремится быть «как все». По сути дела, Иван Кириллович Кузьмичёв – это образец русского человека в его максимальном проявлении. Он и его учитель Иван Иванович Ермаков являются теми Иванами, на которых вся Россия держится.

Учитель не раз подчёркивал: «Имя человека – судьба его». Неоднократно обращался он и к известной фразе Актёра из драмы Горького

«На дне»: «Без имени нет человека!» Всё это и обусловило то, что мне захотелось выяснить значения имени, отчества и фамилии Учителя. Решив этот вопрос, я в одной из бесед сказал ему: «Иван Кириллович, Ваше имя в переводе с еврейского языка означает “благодать Божия”. Отчество Кириллович, образованное от имени Кирилл, в персидском языке означает “солнце”, “солнечный”. А фамилия Кузьмичёв, связанная с именем Кузьма, в переводе с греческого означает “мир”, “порядок”, “краса”. По сути дела, вы как раз и являетесь воплощением порядка и правды в нашей литературе. А в теории литературы вы предстаёте, словно солнце, как звезда первой величины. Для нашего литературоведения вы имеете такое же важное значение, какое имел Кузьма Минин для истории России».

И он, светло улыбнувшись, ответил: «Возможно, вы и правы, но только у меня нет бороды». И снова – как удивительно хорош он в эти минуты!

Погрузившись в раздумья об Иване Кирилловиче, я вспомнил, как посетил его в селе Большие Отары, чтобы поздравить с девяносто-девятилетием. Передо мной действительно предстало большое многолюдное поселение в двести дворов, расположенное на берегу реки Усты. Причём название этого села в моём сознании ассоциируется с наименованием созвездия Стожары. Оно состоит из большого количества звёзд. И не раз, ориентируясь по этому созвездию, я выходил из дремучего леса. Этимологически данные наименования близки. Я уезжал от Ивана Кирилловича уже вечером. Над Большими Отарами сиял прощальный свет вечерней зари. Яркие всполохи то и дело освещали небо. Так пусть же дольше длится вечерняя заря в жизненной судьбе Ивана Кирилловича. А я вдруг вспомнил замечательное стихотворение Б. Пастернака «Единственные дни»:

На протяжении многих зим
Я помню дни солнцеворота,
И каждый был неповторим
И повторялся вновь без счета.

И целая их черед
Составилась мало-помалу –
Тех дней единственных, когда
Нам кажется, что время стало.

<..>

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье.

Так пусть дольше длится век жизни Ивана Кирилловича Кузьмичёва. И пусть продолжают его, и наши объятья с этим прекрасным, сияющим под ласковым солнцем миром.